

* * *

Куда-то ехал, до какой-то станции.
Летел. И плыл — и напрягал весло...
Поэзия — последняя инстанция.
Когда уже ничто не помогло.

Когда оставил все заботы, промыслы.
Когда не надо никуда бежать,
Всё позади — все поиски и полосы...
Тогда приходит эта благодать:

Стихи писать... Неторопливо, вдумчиво.
Стихи писать как главное из дел.
И радоваться по такому случаю,
Что день настал *такой*, и ты успел...

* * *

В этом мире хорошо и плохо,
В этом мире грустно и светло.
Но какая б ни была эпоха,
А зимой за окнами бело.

Снег идет так чисто, благодатно,
Делает пушистым всё кругом,

Чёрные закрашивает пятна,
На стекло садится мотыльком.

Снежный воздух радостен для внучки!
Мы пойдём по снегу погулять.
«Дедушка, возьми меня на ручки».
Снег, Россия, внучка — благодать!

* * *

Когда настанет время умирать,
когда исчезну в вечности, в пространстве,
уже не буду рифму подбирать,
шепча: убранстве, пьянстве, постоянстве...

Я буду среди долин, где нежатся поэты,—
писал Ронсар. Теперь не пишут так.
Где буду я, не знаю — буду где-то...
Господь, я верю, милостив и благ.

Мне есть за что в раю быть и в аду.
О нас, о всех, есть замысел гигантский...
Уходит каждый на свою звезду¹, —
так говорил другой поэт, испанский.

Что фантазировать про свой небесный дом...
Нам заповедано смиряться и смиряться.
Куда мы денемся. Конечно, мы придём
Туда, где будет нечего бояться.

* * *

Друзья звонить мне стали из больниц.
Мы достигаем неких рубежей.
Гляжу в окошко я на зимних птиц.
Как мало птиц, как много этажей...

Гляжу в окошко я на белый свет.
Друзья мои, я обнимаю вас.

Примите мой молитвенный привет.
Дай Бог ещё увидеться не раз.

Чем я могу в печали им помочь,
Моим друзьям? Ну чем я помогу?
Я помолюсь за них в глухую ночь —
Я помолюсь за них не на бегу.

---

¹Х.Р. Хименес.

* * *

Котлеты на стол подавали тазами.
И рыбу на рынок возили возами...
Когда это было?
Куда это сплыло?
Я детскими всё это видел глазами.

Немного застал я пиры избяные.
Застал я стога и сараи сенные.
Застал многолюдье
И песни народа...
Сейчас от народа осталась природа.

Я краешек видел того, что угасло.
В деревне сбивали чудесное масло.
И лошади были, и были коровы,
И все земляки были живы-здоровы.

Давай до конца уж придумаем счастье
И внучке подарим, любимейшей Насте.
Да, было, Настюша, блаженное лето,
Которое нынче неведомо где-то.

И всё колосилось, и пело, и жило —
И всё было празднично, дружно и мило!
Художника Пластова знаешь картины?
На них эти люди, земля и овины...
Крестьяне, народ наш и праздники жизни,
И труд как подарок любимой Отчизне.

* * *

Раздолье летнее в природе —
Стрижи мелькают и кружат,
И так звенят, что в огороде
На ветках яблоки дрожат.

Привет, стрижи! Привет, все птицы,
Все люди, травы и цветы!
Привет вам, сельские светлицы
И всяческие закуты!

Раздолье летнее в природе.
Стрижи и ласточки кружат...

Вот снова я в родном народе.
И хоть народ совсем дожат,

Но есть какая-то зацепка,
Что мы раздышимся, начнём,
Хоть не богато и не крепко,
Но жить... а что теперь кругом?

Теперь, скорее, умиранье.
Эх, звонче, стая, голоса.

Разгоним, птицы, дух попанья
Священной жизни на Руси.

Потерпи меня, Боже

На плите чугунок, чугунок да бадья, да кастрюли.
Всё-то варится, парится — жизнь торжествует в избе.
Ах, напрасно, напрасно холодные ветры задули,
И угрозы ночами я слышу в трубе.

Этот вой, этот свист нас пугает ну разве что в детстве.
Я теперь на земле ничего не боюсь.
Но за близких молюсь, и ещё, чтобы не было бедствий,
Чтобы как-то спасалась и выжила,
Выжила Русь.

На плите чугунок, за окном палисадник убогий.
Всё убого, наверно, — изба, и деревня, и даль...
Но глядит на меня Спас иконный, и мудрый, и строгий,
И снимает сомненья,
одну оставляет печаль.

Оставляет печаль, что, мол, сам-то чего ты достоин...
Я, конечно достоин не ласки Твоей, а суда.
Ты хотел, чтоб я был не расслабленный —
Собранный воин,
Я же собран бываю лишь изредка, лишь иногда.

Путь мой — в яму из ямы, и снова, и так бесконечно...
Вроде не дезертир, но от битвы Твоей в стороне.
Мне бы жить поживать, как сверчок поживает запечный...
Что, конечно, и любо врагу Твоему — сатане.

Так нельзя, понимаю. И слово даю измениться.
Дай здоровья, Господь, укрепи меня в вере, Господь.
Попытаюсь ещё и собраться, и вдуматься, и устремиться...
Потерпи меня, Боже, грехи помоги побороть.

* * *

Господь погасит жизнь, как свет в квартире...
На всей земле погасит в некий миг...
Такое может быть ли в Божьем мире?
Бог милосерд, но грех людей велик.

И всё... И где же, где же будет Пушкин,
Чайковский, Моцарт, целый мир картин?..
Всё это станет никому не нужным?
Да, мысли навевает карантин

Печальные. Земля сгорит однажды
Иль станет мёртвой в вечной пустоте?..
Но всё равно работают отважно
Кто призван к слову, к музыке, к мечте.

Читая украинского поэта

*«Никто из наших национальных героев
во всей истории нашей
в своих бореньях за свободу Украины
не завершил победно свой порыв —
ни одна сказка наша не закончилась свадьбой...»*

Так пишет талантливый украинский поэт,
у которого украли имя и нарекли им
виртуального президента:
Василь Голобородько.
Я снова и снова читаю этого поэта
И хочу понять: почему?
Почему у него нет ни одной доброй строчки о России?
Почему и Мазепа, и Петлюра, и Бандера
для него борцы за эту самую свободу?..
Выражает ли он мнение народа,
или это мнение интеллигенции,
вечно подбивающей народ к революциям
и майданам?..

Дорогой Василь, сегодня Украина свободна?
От России — да.
А от Америки, Германии, Польши?..
От бедности, от гражданской войны, от коррупции...
И эта сказка, Василь, не закончится свадьбой.
Да ты это и сам знаешь,
Василь Голобородько.

* * *

Я не могу как следует поститься
И каждую неделю в храм ходить —
И это мне, конечно, не простится,
Но всё-таки прошу меня простить.

Я знаю, что не отмолить стихами
Грехов, но всё тревожусь о стихах.

А надо просыпаться с петухами,
Читать каноны, думать о грехах...

И так, наверно, будет до могилы,
Хоть это мучает сознание моё.
Прости меня, Господь, и дай мне силы
Творить во имя светлое Твоё.

* * *

Жена с утра воркует,
Воркует и поёт.
Жена с утра ликует
И завтрак подаёт.
А вы мне: жизнь напрасна.
А вы мне: жизнь пуста.
Я знаю: жизнь прекрасна!
Как ягода с куста!

Культура

В океане пошлости, коммерции
мы плывём куда-то по инерции.
За бортом — бутылки, грязь, ошмётки...
с перископом вражеской подлодки.

* * *

Денису

Судьба берётся силой, не тоской.
И не унынем, не безвольем нашим.
А сила в вере, вечной и родной.
И с ней живём, надеемся и пашем.

Ты улыбнёшься: пахарь тоже мне...
Да все мы, милый, пахари от века.
Мы на земле живём, не на луне,
и пахарь здесь синоним человека.

Не унывай. И радость в мире есть,
когда ты сильный. Я тебе желаю
быть сильным, сын. Молюсь и уповаю.
Да каждый день —
как радостная весть!

Из Натальи Харламповой,

НАРОДНОГО ПОЭТА ЯКУТИИ

* * *

Смути меня
Неторопливым взглядом,
Смути меня
Неравнодушным взглядом,
Смути меня
Всё говорящим взглядом —
Смути меня, смути меня,
Смути!

Я — вольная, свободная —
Устала
Быть вольной и свободной...
Я устала
Без слов оберегающих и нежных.

Смути меня!
Хочу быть смущена.

Устала ироничной быть с тобою,
И умничать, и важничать устала.
Устала быть с тобою, как со всеми...
Пойми меня! Смути меня!
Смути...

(Перевод с якутского Геннадия Иванова)

* * *

Сердце моё — для любви, для добра и для ласки.
Не для интриг, не для свар, не для тяжких обид.
Плачет оно от жестоких людских пересудов —
Разве для них я однажды пришла в этот мир?

В мире другом, удивительно светлом и чистом,
Благословили меня на любовь и добро.
Мне не сказали, что в мире изменчивом этом
Беды обступят, как злые собаки, меня.

Мне говорят: «Закаляйся, мужай и смирайся».
Мне говорят: «Надо жить. Как другие живут».
Мне говорят, что предательство, зависть и злоба
Были от века на этой печальной земле.

Может быть, скоро я тоже смирюсь, закаляясь...
С серым лицом буду жить среди серых людей.
Стану тому, кто пришёл для любви и для счастья,
Я говорите: «Закаляйся, смирайся, терпи...»

О, неужели я стану такой безучастной
И хладнокровно толкну его в спину: «Иди» —
В топкий, болотный, холодный простор этой жизни...
Благословили меня на любовь и добро.

(Перевод с якутского Геннадия Иванова)